

Над Рекой Небесной Воды поднялся туман. В этот поздний час, когда глубокую ночь укрыли тяжелые тучи, луна исчезла, оставив мир без единого проблеска света. По мере приближения к реке мгла сгущалась, лишая путников последних ориентиров, пока все окончательно не погрузилось в вязкую пелену, сквозь которую приходилось брести вслепую.

Черный туман, извиваясь подобно живому существу, хлынул в переулки, заполнил тупики и, наконец, просочился в дома обитателей Города между Облаками.

Во сне люди беззащитны. Стоило им вдохнуть эту ядовитую взвесь, как клубящийся пар прямо в ноздрах оборачивался мерзкими черными тварями. Скользкие, ледяные, они целеустремленно пробирались внутрь, стремясь к мозгу. Эти паразиты питались человеческой волей; обосновавшись в голове, они принимались крупца за крупцей пожирать разум.

Еще вчера Ху Фэн весело проводил время на Реке Небесной Воды, а уже этой ночью забился в безмолвных тисках удушья, словно кто-то перекрыл ему кислород. Смерть подкралась так незаметно, что нежившаяся рядом красавица-наложница ничего не заподозрила — Ху Фэн лишь судорожно вытянул шею и испустил дух в объятиях кошмара.

Поместье Вэнь

В комнате клубилась зловещая черная дымка. Не скрывая злобы, туман осел под самым потолком и оттуда следил за Су Цзюгум. Твари ждали, словно кружащие над раненым зверем стервятники, когда юноша сделает последний вздох, чтобы пожрать его угасающую душу.

Су Цзюгуй метался на постели, его лицо становилось все более бескровным. Рядом сидел Сяобай. На его лбу зловещим багрянцем вспыхивало клеймо, а искаженные тревогой черты лица выдавали крайнюю степень отчаяния. Он проснулся в то же мгновение, когда почувствовал, что с Су Цзюгум творится неладное.

На предплечьях больного проступили частые багровые точки, точно кожу безжалостно истыкали иглами — ни один разумный человек не стал бы калечить себя подобным образом, раны напоминали изощренное истязание. В ту же секунду плоть рассекла глубокая рана, и хлынула кровь. Невидимая змея вгрызалась в тело: под кожей явственно вздулся и пополз вверх продолговатый бугорок.

Даже Сяобай оказался бессилен. Каким бы могуществом он ни обладал наяву, властвовать над чужими снами дракон не мог. Способный мгновенно затягивать любые увечья, сейчас он лишь беспомощно смотрел на раны. Вэнь Ци, разбуженный посреди ночи, в панике обтирал горячее тело Су Цзюгуя, без конца сменяя тазы с окрасившейся кровью водой.

Облегчение не приходило. На правой руке Су Цзюгуя с тихим треском лопнула кожа — еще одна невидимая тварь пробивала себе путь внутрь, оставляя под кожей уродливые вздувшиеся

полосы. Юноша хрипло выдохнул, и с его мертвенно-бледных губ сорвался сгусток темной крови. Тонкая струйка потекла по подбородку, подчеркивая его пугающую беззащитность. Казалось, до гибели оставался всего один неверный шаг.

Проклятый кошмар не создавал монстров из пустоты — он лишь раздувал до невероятных масштабов истинные воспоминания, нанося удар в самые болезненные раны прошлого. Все эти муки Су Цзюгуй когда-то перенес наяву. Глаза Сяобая налились яростным багрянцем. Что же за ад пережил этот человек в детстве? Он знал его три сотни лет, но, как выяснилось, не имел ни малейшего представления о его прежней жизни.

— Да что же с ним происходит?! — взмолился Вэнь Ци. Еще утром, после вчерашней прогулки к реке, все было хорошо, откуда же взялась эта напасть?

Отрезанная голова призрачного заклинателя, беззвучно парившая у изголовья постели, хрипло проскрежетала:

— В его разум пробралась Змея Кошмаров.

— Эта тварь заползает в душу и заставляет заново проживать худшие кошмары. Жертвы угасают во сне, не издав ни единого стога.

Вэнь Ци показалось, что он бредит:

— Разве сон может убить человека наяву?

— Кошмары когда-нибудь видел? — прищурился Датоу. — Страшные сны снились каждому: погоня диких зверей, обрыв, полет в бездну и резкое пробуждение в холодном поту. Сюжеты у всех примерно одинаковы, как и способы умереть. — Призрачный заклинатель продолжил: — Но когда в разум проникает Змея Кошмаров, гибель в иллюзии означает смерть наяву. Даже если тебе чудом удастся отбиться от монстров, долго ты не протянешь. В собственном разуме легко замерзнуть насмерть или свихнуться от голода. Смерть во сне — дело нехитрое.

Вэнь Ци до боли стиснул зубы. От одной этой мысли бросало в дрожь: человек ведь не властен над собственной фантазией во сне, и там любая мелочь способна оборвать жизнь. Призрачный заклинатель говорил будничным тоном, однако выражение его сморщенного лица оставалось мрачным. Как практик, он безошибочно читал чужую духовную сущность. И пускай подробности кошмара оставались для него тайной, он отчетливо видел, как стремительно иссякает воля Су Цзюгуя.

В мире снов Су Цзюгуй блуждал уже приличное время. Наяву едва успевала догореть палочка благовоний, а в иллюзии проходил целый год. Под натиском многолетних непрекращающихся терзаний сломался бы даже небожитель. То, что юноша все еще держался, само по себе казалось чудом, но силы его были на исходе. На дне Реки Небесной Воды Змеи кошмаров обитали исстари. Несколько лет назад они уже устраивали в Городе между Облаками поветрие

кошмаров: тогда беда пришла в каждый дом, и наутро половина жителей просто не проснулась. Столь тихой и жуткой смерти люди еще не знали. Прежний градоначальник от страха едва не лишился рассудка, созвав со всех концов страны искусных мастеров для борьбы с напастью.

В конце концов реку запечатал заклинатель с Горы Вечной Юности, и оставалось лишь гадать, у какого идиота зачесались руки сорвать охранные талисманы. Датоу дернул бровью: подобной пакостью мог заняться разве что его собственный господин. Цзи Юаньчу окончательно превратился в шавку демонов. Этот мерзавец никогда не думал о последствиях — ради того, чтобы убрать Су Цзюгуя, он не побоялся выпустить чудовищ на свободу. Плевать он хотел на праведное сострадание. Одному небу известно, сколько трупов соберут на улицах города к рассвету.

За время их знакомства Вэнь Ци привык видеть Сяобая разным. Он помнил его хитрую ухмылку, когда дракон хвастался, что заставит Су Цзюгуя приползти на коленях; помнил, с каким ленивым изяществом тот развеивал в прах свирепых духов, искренне презирая жалких прихвостней вроде Датоу. Однако таким он не видел его никогда прежде. На красивом лице застыло выражение абсолютного, парализующего бессилия.

Багряное клеймо на лбу Сяобая пульсировало в такт бешеному пульсу, напоминая формой вертикальную косточку финика. Должно быть, он перепробовал все доступные ему чары, но безрезультатно. Дракон судорожно вцепился в ладонь Су Цзюгуя. Лишенный целостной души, будучи лишь ее слабым осколком, он не мог последовать за ним — он никогда не бывал на Реке Небесной Воды, а значит, путь в это сновидение был закрыт. К тому же... внутри сна уже властвовал Чжубай.

В кошмаре Су Цзюгуй провел уже целый год. Для него это не было мимолетным видением: он проживал здесь каждый унылый день, встречал рассветы и провожал закаты. Раз в сутки он оставлял на деревянной стене глубокую зарубку — единственное свидетельство того, что он все еще существует.

Подобное существование превратилось в сущий ад. День за днем терпеть побои и издевательства в полной безысходности — любой, чья воля была хоть немного слабее, давно наложил бы на себя руки, лишь бы прекратить муки. Змея Кошмаров искусно воссоздавала реальность, капля за каплей истощая духовные ресурсы жертвы. Иллюзия перенесла его в десятилетний возраст лишь потому, что тогда Су Цзюгуй был слаб и беззащитен.

Если судить по его настоящим воспоминаниям, после убийства Призрачного лекаря он должен был встретить даоса Юня, прибывшего с Горы Великой Чистоты для поимки мятежников. Заклинатель, пораженный необычной природой ребенка, после долгих колебаний забрал его с собой, оставив решение за своим наставником, почтенным Мяоцзи. После долгих споров старейшины приняли решение зачислить сироту в число личных учеников. Именно тогда его нарекли Лу Юньцзи.

Эти воспоминания давным-давно стерлись из памяти. Если бы не коварство Змеи Кошмаров, он бы и не вспомнил, что когда-то его собственное тело служило пристанищем для демонов. Становилось ясно, почему поглощение чужих демонических ядер никогда не вызывало у него отторжения. Разум забыл, но инстинкты помнили: для него эта чудовищная способность оставалась чем-то само собой разумеющимся.

Су Цзюгую оставалось лишь продержаться до прибытия заклинателей, но кошмар явно не собирался давать ему передышку. Остывший труп Призрачного лекаря, застывший с блаженной улыбкой удовлетворения на лице, внезапно зашевелился. Белки мертвых глаз задрожали, а зеленоватая гнилостная жижа поползла по окоченевшим конечностям, обволакивая плоть подобием мерзкого доспеха. Если искать во всем этом крупницу утешения — теперь лекарь и его возлюбленный слились воедино навеки.

Нога мертвеца дернулась, и он рывком принял сидячее положение. С сухим костяным хрустом верхняя половина его туловища развернулась под неестественным углом, уставив на Су Цзюгу пару мутных, остекленевших глаз. Чудовищный симбиоз завершился. Такого не было в настоящем прошлом — это не воспоминание, а порожденный кошмаром морок.

Призрачный лекарь поднялся во весь рост. Будучи великаном при жизни, теперь, окутанный колышущимся слоем гноя, он казался настоящим чудовищем. Тварь двинулась на мальчика. Слизь с его плеч заструилась вниз, стекая к правой кисти, где прямо на глазах застыла в виде трехфутового ядовито-зеленого тесака.

Су Цзюгуй не привык отступать перед лицом врага. Он попытался выпустить паутину, однако паразит, затаившийся глубоко в его теле, лишь испуганно сжался в комок, наотрез отказываясь повиноваться. Трусливая тварь.

При попытке уклониться его правую ногу полоснуло ядовитым лезвием. Зеленая слизь мгновенно принялась разъедать живую плоть; от дикой боли мальчик побледнел как полотно. Издав глухой стон, Су Цзюгуй упрямо перетерпел удар и, застыв на долю секунды, перекатился по полу, словно полностью лишился чувствительности.

Пальцы сомкнулись на рукояти тонкого скальпеля — того самого инструмента, которым Призрачный лекарь когда-то собирался вскрыть его грудную клетку. Су Цзюгуй тяжело хрипел. Оружие в руках не приносило облегчения: с теми крохами магических знаний, которыми он владел в десять лет, его первая победа над лекарем была лишь счастливой случайностью.

Ему подчинялись лишь детские, почти шуточные трюки — опрокинуть ветхий шкаф или заставить приподняться половицу под ногами преследователя. Тяжелая поступь лекаря на мгновение замедлялась от подобных помех. Су Цзюгуй метался по заброшенной лачуге, лихорадочно выискивая выход, однако все его усилия лишь оттягивали неизбежную развязку. Это была безнадежная игра на выживание.

Вдруг какая-то мысль заставила его застыть на месте. Преследователь тоже остановился. В ту

же секунду висевшие на стенах глиняные сосуды разом лопнули, и на пол хлынули заспиртованные мозги и потроха. Прежде принадлежавшие разным демонам, теперь эти ошметки зашевелились, переплетаясь в единую шевелящуюся массу. Лекарь стоял в самом центре этого кошмара, пока куски плоти, точно жирные черви, облепляли его фигуру, превращая ее во что-то неописуемо жуткое.

Органы и потроха поползли по стенам и потолку, смыкая кольцо вокруг хрупкой фигуры мальчика. Су Цзюгуй задрал голову: с потолка свисали ошметки плоти, похожие на уродливые капающие наросты. Набухая под собственным весом, эти мясные гроздья внезапно раскрылись гигантской зубастой пастью.

Из глубины этой бездны на мальчика смотрели десятки рядов острых зубов, посреди которых покачивалась голова Призрачного лекаря. За год совместной жизни он привык ко всякому, но такое зрелище заставило его содрогнуться: лицо мертвеца было буквально впаяно в глотку плотоядного монстра. Умиротворенная улыбка, с которой лекарь испустил дух, теперь превратилась в жуткую гримасу безумия.

Клыкастая пасть медленно разверзлась над головой Су Цзюгуя, подобно гигантскому хищному цветку. Бежать было некуда — морок близился к своей кульминации, жажда поскорее покончить с добычей.

— Вылезай, — мысленно приказал Су Цзюгуй паучьим нитям. Сейчас он мог доверять только себе. — Быстро вылезай!

Однако паразит лишь глубже ввинчивался в его плоть. Разумеется, чужой сон не был его территорией, так что животный страх твари был вполне объясним. Тем временем зависший под потолком монстр качнулся вниз, готовый проглотить беззащитную добычу.

На мгновение его охватило удушающее чувство безысходности.

— Да пошел ты!.. — процедил сквозь зубы Су Цзюгуй, но закончить фразу ему не дали.

Чья-то сильная рука обвила его поперек груди. Веса в десятилетнем теле почти не было — незнакомец резким, уверенным движением дернул его назад, вырывая из-под удара, и Су Цзюгуй оказался в надежных, крепких объятиях.

Время словно замедлило свой бег. Зубастая бездна с грохотом обрушилась на то место, где он только что стоял. Раздался оглушительный треск — сухие доски разлетелись в щепки под натиском сотен клыков. Попади в эти тиски живой человек, от него не осталось бы даже костей.

Су Цзюгуй затаил дыхание: опасность не миновала. Осознав промах, Призрачный лекарь в ярости вытаращил глаза. Тварь вновь потащила к нему свою пасть, и в лицо ударил тошнотворный, удушливый смрад гниения.

— Какая мерзость, — раздался за спиной знакомый, ленивый голос, напоминающий вальяжное урчание сытого хищника.

В ту же секунду Призрачный лекарь вспыхнул изнутри. Огненный вихрь разорвал его пасть, и лицо монстра исказилось в безмолвном крике.

Мясные стены, сотканные из трепещущей плоти и потрохов, мгновенно занялись ярким пламенем, на котором проступили сотни искаженных мукой лиц. Не обращая внимания на бьющегося в агонии монстра, Су Цзюгуй обернулся. В глаза бросились точеный подбородок, белоснежные одежды и струящиеся пряди серебряных волос.

Повсюду бушевал пожар, воздух пропитался удушливым запахом горелой плоти, но в облаке золотистых искр фигура пришельца казалась ослепительно чистой. Знакомые темные глаза сменились сияющим золотом драконьих вертикальных зрачков — истинным взором высшего существа. От него исходила волна необоримого могущества, столь сокрушительного, что любая мысль о сопротивлении умирала в зародыше. Легенды не лгали: смертным запрещено смотреть в глаза дракону, дабы не навлечь на себя небесную кару.

Су Цзюгуй не верил в суеверия, но он впервые видел, как Чжубай забирает чужую жизнь. То ли от долгого бега, то ли по иной причине, но его сердце вдруг забилось неровно и часто.

Дон-дон-дон...

Чжубай крепко сжимал его в объятиях, и, упираясь спиной в широкую грудь мужчины, мальчик чувствовал, как их дыхание и ритм сердца сливаются в единое целое.

Глядя на корчащегося в огне Призрачного лекаря, чьи глаза уже выгорели дотла, Су Цзюгуй вдруг вспомнил собственный давний вопрос: «Есть ли у тебя тот, кто тебе дорог?»

И в его памяти эхом отозвался ответ:

* «Учитель, ты защищаешь Поглощающую Бездну, а я буду защищать тебя».*

Это был Чжубай. Теперь он вспомнил отчетливо: эти слова принадлежали только ему.

Их третья встреча после перерождения произошла в зыбком мире снов. Чжубай тоже бывал у Реки Небесной Воды и сегодня оказался затянут Змеей Кошмаров в иллюзию, однако подобные чары были бессильны против него. Как говаривал когда-то наставник дракона, внутри этого существа таилась сила куда более жуткая, и любой паразит, питающийся чужой волей, при встрече с ним должен был склониться как перед прародителем.

К тому же дракон от природы не отличался склонностью к лишней рефлексии, и самый жуткий кошмар казался ему пустяком по сравнению с гневом любимого наставника. Оказавшись в

плону иллюзии, он даже не подумал искать выход — раз уж занесло сюда, почему бы не осмотреться? Его вела интуиция: казалось, будто этот сон смутно зовет его, словно чей-то тихий голос доносился из самых глубин его существа.

Повинуясь инстинкту, он добрался до глухой деревушки и заглянул в полуразрушенную хижину.

Дракон оглядел спасенного ребенка. Мальчик был совсем худым и бледным. К детям Чжубай не испытывал такой неприязни, как Лу Юньцзи. К тому же этот малыш показался ему странно знакомым, хотя вспомнить, где именно они встречались, он не мог. Такой изящный и красивый... По своей природе дракон питал слабость к красивым вещам и вряд ли забыл бы подобное сокровище, доведись ему увидеть его раньше.

Пока остатки чудовища догорали, Чжубай долго вглядывался в лицо мальчика. Наконец он нахмурился и с легким недоумением поинтересовался:

— Что, теперь и совсем соплякам позволяют развлекаться на прогулочных лодках?

Су Цзюгуй лишился дара речи.

Этой ночью Змея Кошмаров нападала исключительно на праздных богачей, предававшихся утехам на Реке Небесной Воды. Судя по всему, дракон принял его за малолетнего любителя продажной любви.

<http://bllate.org/book/18298/1755149>